Каннибализм каннибализм, универсально распространённый мотив в мифах и фольклоре; восходит к соответствующей практике, засвидетельствованной в палеолите и ранее, кроме того, является составной частью пищевого кода, соотносимого с другими кодами, в терминах которых мифопоэтическое сознание строит свою картину мира (см. Еда).

Так, согласно исследованиям К. Леви-Строса, употребление человеческого мяса (особенно сырого) занимает низшее место в мифологически осмысленной иерархии пищевых режимов, тяготея к первому из членов фундаментальной оппозиции природа культура (на другом полюсе этой иерархии стоят кулинарно обработанные сельскохозяйственные растительные продукты). Поэтому импликации К. сложным образом переплетены со всеми основными категориями и параметрами мифопоэтической модели мира в той её части, которая относится к области докультурного.

Например, с К. связывается болотная вода, в отличие от воды-дождя, связанной с культивированием растений, или проточной воды, ассоциирующейся с рыболовством как видом охоты. В один синонимический ряд попадают мотивы К. и мотивы инцеста (ср. отождествление инцеста и съедения тотема у микронезийцев-понапеанцев; многочисленные случаи обозначения инцеста и К. одним и тем же словом).В большинстве мифологических систем существуют мифы о возникновении К., в которых единый акт К. порождает серию подобных же актов и иных злостных человекоубийств.

Так, в мифологии североамериканских индейцев оджибве всякий отведавший человеческого мяса становится великаном-людоедом виндиго. В греческом мифе Тантал с целью испытания угощает богов мясом своего сына Пелопа, отчего происходят все несчастья его рода: Атрей, сын Пелопа, мстя за обиду, нанесённую ему братом Фиестом, подаёт последнему на пиру мясо его детей; дальнейшая цепь убийств, среди них матереубийство, составляет сюжет «Орестеи» Эсхила.

Миф о возникновении К. часто сопряжён с мотивом потери человеком бессмертия, т. е. вариантом «грехопадения». Нередко ответственность за возникновение К. возлагается на женщину виновницу грехопадения и в известном библейском мифе об Адаме и Еве (при том, что в реальности участие женщин в людоедском пиршестве часто табуируется, как табуируется иногда и вкушение женской плоти).

Мотивы К. наличествуют также и в космогонических мифах. Таков миф о Кроносе, пожирающем своих детей. В астральных мифах божества, отождествляемые с небесными телами (солнцем, луной), поедают своих детей звёзды, которые в свою очередь представляются людоедами в некоторых других мифологиях (в частности, у полинезийцев островов Туамоту; T G 11.8.1).

Конец К. кладёт обычно культурный герой, который либо убивает чудовище-людоеда (например, Большую Сову у индейцев племени апачи; ср. также победителя людоедов Мауи в Западной Полинезии), либо, попадая к людоедам в плен, хитростью их побеждает (ср. миф об Одиссее и киклопах). Этот последний мотив получил распространение в волшебных сказках (AT 327), среди которых особенно известны «Гензель и Гретель», «Мальчик-с-пальчик» и т. п.

Конец К. у греков положил Орфей, у египтян Осирис, у айнов бог Аиойна. Согласно мифам различных народов (кетов, нанайцев и др.), из дыма при сожжении уничтоженного чудовища-людоеда произошли кровососущие насекомые комары и москиты.

Интересны мотивы обезвреживания хтонических людоедов злых духов в мифах-сказках коряков: побеждая таких духов, их иногда не убивают, а лишь заменяют им желудки на тюленьи, мышиные и т. п., после чего они перестают быть каннибалами.К. характеризует мифологические персонажи самого различного уровня. В древних мифологиях он присущ верховным божествам (ср. культ Зевса Ликейского с человеческими жертвоприношениями и последующей трапезой как бы от имени бога или вместе с самим богом, Paus.

VIII 38, 7; человеческие жертвы Дионису, древнекельтские, полинезийские культы и многие другие); по мере распространения запрета на К. его всё больше относят к низшему миру чудовищ-людоедов, великанов, ведьм и т. п. Среди подобных существ славянская баба-яга, античные стриги, чудовище-вампир с железным ногтем на ладони у африканского племени покомо в Кении или же длиннозубое чудовище с глазами на подошвах у готтентотов; чудовищем-людоедом нередко представляется сама смерть (у африканского племени не, Берег Слоновой Кости).

Людоедами бывают обычно оборотни волк-оборотень в европейском фольклоре, оборотень-гиена у африканцев, колдуньи-оборотни, превращающиеся в слонов, змей,

сов и т. п. у племён Гвинеи, и злые духи насылатели болезней и эпидемий (например, у народов Северо-Восточной Азии). Табуирование К. порождает мотив одержимости духом-людоедом (у оджибве в связи с инициацией в тайных обществах) либо безумия как наказания за акт К. (T G 91).

Происходит вытеснение мотивов К. в сферы магии, шаманизма и т. п., требующих достижения ведьмой, колдуном, шаманом особого состояния сознания, отождествляемого с одержимостью, безумием и достигаемого лишь с помощью специальных, часто табуированных действий, отсюда широкое распространение поверий о том, что подобные люди употребляют в пищу человеческое мясо; в то же время духи-людоеды представляют собой одну из опасностей, подстерегающих самого шамана во время его путешествия в загробный мир.Обоснования ритуального К., находящие отражение в мифологических сюжетах, довольно сложны и противоречивы. Среди них выделяется в первую очередь мотивировка, восходящая к анимистическим представлениям и связанная с так называемой симпатической магией.

Согласно этим представлениям, в людоеда переходят качества съедаемой жертвы, прежде всего сила, крепость. Поедание частей тела убитых врагов может, однако, производиться и ради обретения господства над душой врага, вплоть до полного её уничтожения.

Так, в киргизском эпосе «Манас» герои пьют кровь врага, поверженного в бою. Такому экзоканнибализму можно противопоставить эндоканнибализм, т. е.

К., распространяющийся на родственников, членов племени и т. п., мотивы которого обусловлены тотемистическими воззрениями. Способствуя в целом табуированию эндоканнибализма (члены тотемного клана приравниваются к самому тотему), воззрения эти в то же время провоцируют и обычаи ритуального жертвоприношения с последующим вкушением частей тела (сердца, печени как седалища витальных сил) родоначальника и покровителя клана, замещаемого старейшим членом племени, «священным царём» или специально подготавливаемым для этой цели (как у мексиканских индейцев) лицом.

Отсюда многочисленные мифологические сюжеты с поеданием тела божества вплоть до пасхальной евхаристии. Восходящие к тотемизму ограничения запрет на эндоканнибализм при сохранении экзоканнибализма и в условиях экзогамии

порождают сюжеты поедания женой (часто в зверином образе) мужа либо мужем жены (T G 77; 79, 1), а также (в зависимости от структуры тотемно-семейного распределения) и других родственников (например, детей, которые в соответствии с полом, их собственным и родителей, могут относиться к различным с родителями тотемным кланам).Тема К. повсеместно (ср. мифы аборигенов Австралии, где эта функция отдана страшному змею-радуге) имплицирована в мотивах ритуального проглатывания-выплёвывания, соотносящихся с обрядами инициации (см. Инициация и мифы).

При наложении этих каннибалистических обрядовых мотивов на миф о великой матери-прародительнице возникают образы, подобные бабе-яге или злой старухе-людоедке Мутинге у австралийского племени муринбата. Иногда проходящий инициацию сам мыслится людоедом (например, у индейцев-квакиутль).Следует также упомянуть мотивы К. как эксцесса экзальтированной любви, объяснение которым находят либо в стремлении к возможно более полному овладению партнёром и оральном эротизме (ср. записанную римским писателем Авлом Геллием легенду об Артемисии, выпившей чашу с прахом своего возлюбленного мужа Мавсола), либо шире в семантической близости еды и любви (еда часто выступает в фольклоре как метафора интимной связи), в параллелизме эротического и пищевого кодов.

Встречаются также мотивы съедания от избытка любви детей их родителями так поступает первая супружеская пара в иранском мифе («Авеста») о первых людях (см. Мартйа и Мартйанаг).Мотивам ритуального К. в фольклоре, мифах и т. д. противостоят мотивы К. вынужденного, актуализирующегося (часто в гиперболизированной форме) в эпохи войн и стихийных бедствий. Среди подобных мотивов доминирует сюжет поедания детей родителями (T G 72, 2; ср. библейский рассказ об осаде города в Самарии, 4 Царств 6, 25 31; в древнекитайских притчах в пример ставится послушание детей, жертвующих собой ради спасения умирающих от голода родителей).Особая ветвь мифов о К. представлена мировым фольклорным сюжетом о воздаянии за прелюбодеяние (T Q 478.

1; AT 992): муж неверной жены убивает её любовника и подаёт ей за трапезой его penis и/или его сердце, которые она по неведению съедает. Сюжет этот получил широкое распространение в фольклоре и классической литературе (индийский народный роман о Радже Расалу, «Жизнеописания трубадуров», «Декамерон» Боккаччо и многие другие).

Литература :

Воеводский Л., Каннибализм в греческих мифах, СПБ, 1874;
Жирмунский В. М., «Пир Атрея» и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе, «Советская этнография», 1965, № 6;

Andree R., Die Anthropophagie, Lpz., 1887;
Bergemann P., Die Verbreitung der Anthropophagie, Bunzlau, 1893;
Lévi-Strauss C., La pensée sauvage, [P., 1964];
Steinmetz R. S., Endokannibalismus, W., 1896;
Matzke J. E., The legend of the Eaten Heart, «Modern Language Notes», 1911, v. 26, № 1, p. 1 8.